

Её лицо залилось румянцем, даже красная точка между бровями стала ярче. Непонятно, от кашля ли, от смущения или хмеля, но она с укором посмотрела на старшую сестру, которая, отвернувшись, тихо смеялась, и сжала кулак, легонько стукнув её по плечу.

Выпустив пар, Вань Цзюньи, опьянев, придвинулась к сестре, устроила её плечо как подушку, и усталость от долгих дней пути наконец навалилась на веки, сознание же стало мутным.

— Спи, — прозвучало сквозь дремоту.

Наверное, от чувства безопасности она невольно разгладила брови, уголки губ тронула улыбка, и она медленно погрузилась в сон.

— Старшая... — тут Сань Миншэн хотел попросить ещё вина, но, обернувшись, увидел, что старшая сестра жестом велела молчать, и поспешно прикрыл рот. Увидев, как она мягко качнула головой, понял — вина не будет, и послушно улёгся на землю, обняв кувшин.

Что до Бай Цин, то она нежно смотрела на безмятежное лицо спящей младшей сестры. Внешне — невозмутима, как всегда, но сердце её уже волновалось. Однако сдерживать приходилось, по привычке, ведь выбор был сделан ещё при уходе с гор. Только...

Спешно прочитав про себя заклинание успокоения, Бай Цин осторожно забрала кувшин из рук сестры, затем мягко сжала её ладонь и начала потихоньку передавать ци, чтобы рассеять ночную прохладу. Другой рукой поднесла кувшин к губам и под луной, в беседке, в одиночку предалась винным утехам.

Покорять величественные и опасные горы, превращать леса в охотничьи угодья, ждать, пока добыча сама приползёт, дрожа от страха, затем вселять ужас и забирать богатства — конечно, лучше оставлять их в живых, чтобы те разнесли славу о моей горной крепости.

В этом моё предназначение, в этом долг нас, «горных разбойников».

Кто бы ни шёл, ступил на тропу — оставь что-нибудь. Неважно, много или мало, неважно, крепкий ли орешек. Стал разбойником — имей разбойничий нрав и удасть. Хотя сейчас на этой горе лишь я один хозяин, но...

— Свист! Топ-топ-топ...

Разбойник по имени Ци Эр, размахивая большим тесаком, выскочил из зарослей на склоне, затем ловко применил «Полет по стене» и помчался вниз по крутому склону. Избегая лунного света, он словно свирепый зверь набросился на пошатывающуюся фигуру на горной тропе.

Клинок сверкал холодным светом, рука, сжимающая его, была в напряжённых жилах.

Будто ведомый лунным лучом, холодный свет метнулся к правой руке цели. Задача одна — отрубить руку, держащую меч, чтобы противник сдался!

Но...

— Нападать исподтишка нехорошо, совсем не по-доброму, — неожиданно тот человек уже заметил атаку и, быстрый как молния, выхватил меч из ножен. Меч был странный, будто впитывал лунный свет, покрываясь лёгким сине-белым сиянием.

Рука Ци Эра дрогнула, но раз уж он спустился грабить, разбойнику ли пятиться?

Он крепче сжал изогнутый клинок, на бегу приняв боевую стойку: правую руку с мечом занёс к левому плечу, левую ладонь прижал к правому предплечью. В момент удара обе руки рванули одновременно, добавив толчок к размаху, ноги оттолкнулись от земли — приём «Бросок голодного волка» вырвался с рыком!

— Вжик!

Холодный ветер будто был рассечён этим ударом пополам, но тот, кто должен был разделить его участь, стоял на лезвии на одной ноге, наклонившись, в левой руке — кувшин с вином, в правой — меч с синеватым отливом, который просто опустился ему на плечо.

Лицо Ци Эра позеленело, он стиснул зубы, чтобы не закричать от боли и не опозориться. Но, к удивлению, кроме ощущения, будто кости плеча раздроблены, и мечевого ветра, хлестнувшего по лицу, боли от рассечения плоти не было.

Всё это было до боли знакомо, и он застыл, пока атаковавший не заговорил первым.

— Братец, давно не виделись. Всё такой же горячий.

Сказав это, тот человек спрыгнул с клинка на землю. Плечо Ци Эра наконец расслабилось, но тут же заныло так, что эхо боли отдавалось в голове.

Он вытаращил глаза, стиснул зубы и с трудом выдавил:

— Чёрт возьми, опять ты, девчонка!

Выругавшись, он больше не мог держаться и повалился на землю, схватившись за плечо. Вены на шее вздулись от боли, но он всё не выпускал тесак.

Увидев это, Ли Чжао скривила губы, убрала меч Тунлун в ножны за спиной, поставила кувшин и, лёгким движением встряхнув рукав, выудила в левую руку маленький пузырёк.

— Братец, давай договоримся. Может, не нападать на меня каждый раз? Или хотя бы делай это днём. Во-первых, я разгляжу, что это ты, и пощажу. Во-вторых, уж лучше взлететь вверх, чем врезаться в землю, а?

Она ворчала, одновременно разрывая одежду Ци Эра и накладывая снадобье, и выглядела при этом настолько серьёзно, что совсем не походила на наглеца.

Позеленевшее от злости лицо Ци Эра мгновенно покраснело — конечно, не от стыда, а от ярости. Он, такой искусный и отважный, да ещё и «известный» разбойник, раз за разом попадался в ловушку этой девчонки, да ещё получал от неё сочувствие и нотации, а она ещё и под предлогом лечения снова его унижает!

— Ты... — Ци Эр только начал, как девчонка неосторожно дотронулась до раны, и он завизжал.

Всё, репутация разбойника растоптана. Лучше бы с этой проклятой тропы спрыгнуть...

Хотя лекарство было наложено кое-как, зато быстро. Ли Чжао в два счёта справилась с плечом, распухшим, как гора, похлопала в ладоши и с удовлетворением изрекла:

— Хе-хе, думаю, в следующий раз можно попробовать подработать в аптеке.

Услышав это, Ци Эр закрыл лицо руками. Плечо онемело, и, хотя холодный ветер бил в распухшую «гору», он ничего не чувствовал. Но, услышав, как девчонка серьёзно задумала «испытать себя» в аптеке, в нём проснулось чувство ответственности.

Он вынужден был сказать искренне:

— Не ходи, девчонка, правда, не ходи. Я, твой дед, — красивый, харизматичный и неуязвимый разбойник, твои эксперименты мне нипочём. Но за горами — простой народ, их и так чиновники обдирают, сжался, оставь их в покое.

— ...Никогда не думал, что такие слова выйдут из твоих уст, братец.

Сказав это, Ли Чжао опустила голову и вздохнула, приуныв.

— Неужели я и вправду так плоха?..

Видя, что девчонка действительно расстроилась, Ци Эр почувствовал неловкость, но не знал, как её утешить. Хвалить против совести нельзя — она же поверит... Он почесал голову, и его осенило:

— Эй, у меня в пещере есть вино. Пить будешь?

Услышав слово «вино», печаль Ли Чжао мигом испарилась. Она сияюще улыбнулась, глаза загорелись.

— Буду, буду, конечно буду! Пошли, я тебя подниму!

Не слушая возражений, Ли Чжао одной рукой схватила кувшин, другой — воротник его одежды, затем, подпитывая силу ци, пустилась вскачь, взлетая по стенам.

Несчастный Ци Эр, едва оправившийся, чуть не задохнулся. К счастью, пещера была недалеко от тропы, иначе его репутация была бы разрушена этой бесцеремонной силищей...

Ведь он, настоящий мужчина, да ещё разбойник, в тёмную ночь, не солоно хлебавши, чуть не умер, будучи волоком тащен девчонкой... Если б пронеслось — позору не оберёшься! И Ци Эр ясно представил, как эта девчонка с огромным раскаянием «восславит» этот позор на его надгробии...

Достигнув уступа, Ли Чжао отпустила братца, раздвинула заросли, и за ними открылся вход.

Но зрелище было печальным: постель из соломы, неровный камень вместо стола, и в углу пещеры одиноко стояла запылённая бочка с вином.

— Братец, да ты несчастен, — у Ли Чжао сжалось сердце. Она и представить не могла, что разбойник Ци Эр живёт в такой бедности.

<http://bllate.org/book/16264/1463367>